

Чалмаев В.А.

Образ Петра и образ России в их драматичном единстве

Первые главы романа «Петр Первый», в которых изображается стрелецкий бунт в Москве, детство Петра, правление царевны Софьи и ее фаворита Голицына, свидетельствуют о резко возросшей пластичности письма Толстого. Это понятие — «словесная пластика» — означает предельное обогащение выразительности слова.

Вот изба Ивана Артемьевича Бровкина и его двор. Из нее выйдут три весьма заметных в романе персонажа, соучастника будущих петровских дел — сам хозяин избы, будущий купец, опора Петра, его сын Алексей Бровкин, петровский офицер, и будущая боярыня Волкова, Санька Бровкина. «Лапти зло визжали по навозному снегу», «вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы»; «Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь» — эти и подобные подробности создают зримый образ уклада деревенской жизни в конце XVII века. Изба Бровкина явно бедна, в ней живет расторопный, смышленный юный народ.

Москва, в которую потом попадает Алешка Бровкин, — это запустевший центр огромной страны, где «кисли столетние сумерки», где «ледяной свет мерцал на куполах». Сам Кремль «чудился мороком (наваждением) — седой, запретный, вероломный, полный золота».

Москва вобрала в себя и силу, и все пороки — анархическую вольницу стрельцов, неповоротливость, беспечность помпезных бояр, но одновременно и таланты, скрытую, неразвернутую волю России к обновлению. Писатель чуть-чуть заостряет внимание на пороках, лени, на необходимости «дубиной гнать в науку», на превосходстве уютной Голландии (и даже уютной Немецкой слободы!) над Россией. Обращают на себя внимание настойчиво выделяемые приметы запустения, бедности, холода и голода. Подробности отсталости, застоя, даже утрированные, должны были подчеркнуть необходимость дубины, которой молодой Петр начнет погонять Россию.

Алексей Толстой в романе, как и в рассказе «День Петра», развертывает тему «антицарственности», плотничьего начала в Петре. Совсем не царственны его игры с «потешными» полками, строительство земляной крепости. И боярин из былых времен, приехав в Преображенское, изумляется, увидев Петра не на золоченом стульчике, взирающим на забаву: «А этот что же вытворяет? С холопами, как холоп, как шпынь непотребный, бегаёт по доскам, бесстыдник, — трубка во рту с мерзким зелием, еже есть табак. Основу шатает».

Петр насмехается над боярами Буйносовыми, превращая их в шутов: «И тюкнул яйцом по темени Романа Борисовича, — желток потек по парикку». Он бьет тростью Меньшикова так, что «у того голова только болталась». А сообщник Меньшикова по казнокрадству стоит в это время на коленях.

Положительность Петра не убывает, а возрастает в итоге этих злых реплик, земных, «нецарственных» деяний, даже злых забав, изобретательности в шутках. Все говорит об энергии подвижника — даже злость на нерадивых. Он видит, что хаос, полусон, какой-то обморок — опасны для России.

Несмотря на известную идеализацию Немецкой слободы (как островка Запада, воплощения его порядка, уюта), Петр I любил будущую Россию, любил детище свое — Петербург.

К сожалению, главнейшие деяния Петра — и битва под Полтавой, и морские сражения на Балтике — остались за пределами недописанного романа. Но и в существующем пространстве романа заметны важные особенности государственной мысли Петра. Он,

например, уже замечает, что его воля не всегда доходит до народа, до тех, в ком он видит свою опору. И потому все же идет под Нарву с отсталой, старой армией: необходим такой злой урок, как поражение в битве, чтобы... выиграть войну! Он сравнивает себя и Карла Двенадцатого: «Тому мальчишке терять нечего, а мне есть чего... Думаешь — под Нарвой начало и конец? Войне начало только... Должны одолеть... А с этим войском не одолеем. Понял ты? Начинать надо с тылу, с обозных телег. Скакать со шпагой — последнее дело...»

Попробуйте сопоставить три фигуры: робкого, нерешительного, хотя и просвещенного фаворита Софьи Голицына, провалившего все походы в степь, в Крым, самонадеянного игрока в войну, играющего в славу Карла Двенадцатого и Петра... Толстой в романе дает много материала для сравнений: его Петр высится в обширной многофигурной панораме своей эпохи как ее главный герой, властелин судьбы.

Сопоставьте фигуры трех царственных особ — Карла XII, польского короля Августа и Петра. Дело Петра выглядит гораздо грандиознее, выше, может быть народнее, священнее, чем недолговечные игровые успехи рыцаря-скитальца Карла, любимца фортуны, или суетливая, бутафорская театральная властность Августа, пленника случайностей, мелких интриг. Петр не признает величия случайности, слепого везения, иронии истории.

При этом он вовсе не застывший монумент, изваяние воли, непреклонности. На протяжении романа Петр сменяет несколько личин: он и командир «потешных» полков, и флотоводец в Переславле Залесском, и «плотник» в Голландии, и кузнец в Воронеже, и мастер злого веселья, даже глумления над бородатой Русью. Но все активнее закрепляется в сознании образ царя как умного деятеля, чья высокая воля патриота понятна всем. В особенности — всей семье Бровкиных, ставших опорой царя. Характерно, что именно Алексей Бровкин в своем походе через Север за новобранцами сталкивается с чудовищным фанатизмом обряда самосожжения, темного протеста старца Нектария против Петра-антихриста. Надо идти рядом с Петром — это внутреннее решение объединяет и бояр Ромодановского, Шереметьева, и кузнеца Жомова, и живописца Голикова, и всех Бровкиных. Тем более что царь провозгласил: «Отныне знатностью по годности считать».

И по мере ускорения этого движения Петра в будущее вместе с Россией, с ее волей и мечтой происходит явное умаление, забвение Немецкой слободы и Анны Монс. Она, оказывается, наделена душой кухарки, мечтает об уютной мызе (ферме) где-нибудь в Померании. Не приукрашивая историю и образ Петра с его жестокими забавами, с поражениями, которые расписаны даже ярче, чем победы, Толстой показал, что вся осмысленная история работает как бы по воле Петра, служит его делу, в конечном счете — России молодой.